

ТЕКСТ КАК ОСНОВА УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

I. Как лучше всего расположить части выступления, какие именно из отобранных доводов оставить, чтобы максимально воздействовать на аудиторию. О проблемах, которые возникают на этом этапе у оратора, хорошо сказал Квинтилиан: «Надо обдумать, нужно вступление или нет, следует ли излагать обстоятельства дела в непрерывной связи или отрывками; начать ли с начала, или с середины, как Гомер, или с конца; не лучше ли совсем обойтись без пересказа фактов; выдвигать ли вперед свои соображения или предварительно разобрать доводы противника; когда бывает выгоднее сразу показать свои лучшие доводы, когда лучше приберечь их к концу; к чему заранее расположены слушатели и что может быть внушено им лишь с осторожной постепенностью; опровергать ли доводы оппонента в их совокупности или каждый отдельно...; предпослать ли юридическую оценку нравственной или наоборот...». А Н.Ф. Кошанский советовал располагать материал «по мере увеличивающегося интереса» для слушателей.

Выберите интересную для вас тему агитационной речи. Изобретите содержание этой речи. На основе тезисного плана речи разработайте несколько вариантов композиции речи, предназначенных для разных типов аудитории. Объясняйте каждый раз, почему вы изменяете композицию именно таким образом.

II. «Тезис – это основное положение, которое оратор собирается доказывать или защищать. В тезисы не включаются доказательства, факты, иллюстрирующие основные положения. Но надо помнить, что тезис – это не вопрос, а сжатый определенный ответ на основной вопрос»¹.

Прочитайте отрывок из рассказа А.П. Чехова «О вреде табака»². Определите, какие коммуникативные качества привели оратора к риторической неудаче.

Нюхин: Милостивые государыни и некоторым образом милостивые государи. Жене моей было предложено, чтобы я с благотворительной целью прочел здесь какую-нибудь популярную лекцию. Что же? Лекцию так лекцию – мне решительно все равно. Я, конечно, не профессор и чужд ученых степеней, но тем не менее, все-таки я вот уже 30 лет, не переставая, можно даже сказать, для вреда собственному здоровью и прочее, работаю над вопросами строгого научного свойства, размышляю и даже пишу иногда, можете себе представить, ученые статьи, то есть не то, чтобы ученые, а так, извините за выражение, вроде бы как ученые. Предметом сегодняшней моей

¹ Сергеич П. Искусство речи на суде. – М.: Юридическая литература, 1988. – С. 147.

¹ Иванова С.Ф. Лекторское мастерство. – М.: Знание, 1983. – С. 46/

² Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти т. Сочинения. – Т. 13. – М.: Наука, 1986.

лекции я избрал, так сказать, вред, который приносит человечеству потребление табаку. Я сам курю, но жена моя велела читать сегодня о вреде табака – мне решительно все равно, вам же, милостивые государи, предлагаю отнестись к моей настоящей лекции с должной серьезностью, иначе как бы чего не вышло. Особенно прошу внимания у присутствующих здесь господ врачей, которые могут почерпнуть из моей лекции много полезных сведений, так как табак, помимо его вредного действия, употребляется также в медицине. Так, например, если посадить муху в табакерку, то она издохнет, вероятно, от расстройства нервов. Табак есть некоторым образом растение. Когда я читаю лекцию, то обыкновенно подмигиваю правым глазом, но вы не обращайте внимания, это от волнения. Я очень нервный человек, вообще говоря, а глазом начал подмигивать в 1889 году 13 сентября, в тот самый день, когда у моей жены родилась, некоторым образом, четвертая дочь Варвара. У меня все дочери родились 13 числа. Впрочем, ввиду недостатка времени, не станем отклоняться от предмета лекции. Надо вам заметить, что жена моя содержит музыкальную школу и частный пансион, то есть не то, чтобы пансион, а так, нечто вроде этого... и т. д.

III. «Все излишнее несосно», – утверждал М.М. Сперанский. Тема речи «О пользе разведения комнатных цветов». *Сформулируйте тезисы на основе следующих вопросов: В чем состоит польза от цветов для человека? Чем полезны цветы для здоровья? Какова эстетическая ценность цветов? В чем состоит положительное психологическое воздействие цветов на человека? Ответив на эти вопросы, получите разработку тезиса.*

IV. *Определите тип вступления.*

1. Вчера на заседании редакционной комиссии разгорелся большой спор. Собственно говоря, именно после этого заседания у меня и появилось желание сказать здесь несколько слов. (Г.С. Жуков)

2. Товарищи депутаты! К нам в эти дни поступают звонки и письма от наших избирателей. Они, провожая нас сюда, ждали от нас многого: чтобы мы рассмотрели те вопросы, которые их волнуют. Поэтому они просили получить ответы на три вопроса (И.Н. Шундеев).

3. Уважаемые депутаты! Мне хотелось вначале вспомнить одну старинную притчу о том, как одного руководителя на посту меняет другой. Старый руководитель оставляет молодому три конверта и говорит: когда будет трудно, открывая поочередно пронумерованные конверты. Открыл в трудное время новый руководитель первый конверт, написано: «Обещай все». Он обещает. Положение не меняется. Открывает второй конверт, читает: «Ругай меня, предшественника». Ругает. Ситуация не меняется. Открывает третий конверт, а там написано: «Готовь три конверта». Мне не хотелось бы, чтобы сказанное относилось только к правительству. Это в равной степени относится и к нам с вами, потому что мы уже и обещали, и

ругали, и действительно подвели страну к черте, когда пора «готовить три конверта». Но вместо трех конвертов я предлагаю внимательно посмотреть три программы, которые у нас есть (В.И. Жигулин).

4. Высокий Съезд! Я хочу доказать коллегам-депутатам и иностранным гостям Съезда, что нынешнее правительство не рыночное, его реформы бюрократические, от которых вместо модернизации национальная экономика все глубже погружается в хаос. Тупиковая ситуация создается и для честных бизнесменов Запада (Г.В. Саенко).

V. Определите жанр речей. Объясните, по каким признакам вы это делаете.

1. Чуковскому Корнею – / Послание к юбилею. // Я очень сожалею, / Что все еще болею // И нынче не сумею / Прибыть на ассамблею // На улицу Воровского, / Где чествуют Чуковского. // Пять лет, шесть месяцев, три дня / Ты прожил в мире без меня, / А целых семь десятилетий / Мы вместе прожили на свете. // Я в первый раз тебя узнал, / Какой-то прочитав журнал. // На берегу столицы невской / Писал в то время Скабичевский, / Почтенный, скучный, с бородой. // И вдруг явился молодой, / Веселый, буйный, дерзкий критик, / Не прогрессивный паралитик, / Что душит грудой цитат, / Загромождающих трактат, / Не плоский истин проповедник, / А умный, острый собеседник, / Который, книгу разобрав, / Подчас бывает и не прав, / Зато высказывает мысли, / Что не засохли, не прокисли. // Лукавый, ласковый и злой, / Одних колот ты похвалой, / Другим готовил хлесткой бранью / Дорогу к новому изданию. // Ты строго Чарскую судил. // Но вот родился «Крокодил», / Здоровый, шумный, энергичный, – / Не фрукт изнеженный, тепличный. // И этот лютый крокодил / Всех ангелочков проглотил / В библиотеке детской кашей, / Где часто пахло манной кашей. // Привет мой дружеский прими! / Со всеми нашими детьми / Я кланяюсь тому, чья лира / Воспела звучно Мойдодыра. / С тобой справляют юбилей / И Айболит, и Бармалей, / И очень бойкая старуха / Под кличкой «Муха-Цокотуха». / Пусть пригласительный билет / Тебе начислил много лет. / Но поздравляя с годовщиной, / Тебе я дал бы, друг старинный, / Могу я дать тебе – прости – / От двух примерно до пяти... / Итак, будь счастлив и расти (С. Маршак).

2. А вы, надменные потомки, / Известной подлостью прославленных отцов, / Пятою рабскою поправшие обломки / Игрою счастья обиженных родов! / Вы, жадною толпой стоящие у трона, / Свободы, Гения и Славы палачи! / Таитесь вы под сению закона, / Пред вами суд и правда – все молчи! / Но есть и Божий суд, наперсники разврата! / Есть грозный суд: он ждет; / Он не доступен звону злата, / И мысли и дела он знает наперед. / Тогда напрасно вы прибегнете к злословью; / Оно вам не поможет вновь, / И вы не смоее всей вашей черной кровью / Поэта праведную кровь (М.Ю. Лермонтов).

VI. Определите жанры выступлений¹.

1. Мы собрались с вами, чтобы обсудить беспрецедентный случай. Вчера староста нашей группы Николай Сидоренко получил в кассе института стипендию на всю группу, причем его очередь подошла уже после 18.00 вечера. После этого Николай отправился навестить больного товарища, где на него напали хулиганы и ограбили его. Несмотря на своевременное обращение потерпевшего в милицию, хулиганы не были найдены.

2. Я возмущен случившимся. Давно не встречал такого халатного отношения к своим обязанностям. Что мы видим? Вместо того, чтобы сначала поместить деньги в надежное место, Сидоренко отправился разгуливать с ними по городу, подвергаясь риску потерять не принадлежащие ему ценности или подвергнуться нападению хулиганов, что и случилось. Тем самым он нарушил все должностные инструкции. Исходя из требований закона, его нужно было бы обязать выплатить всю сумму из своих средств, но всем понятно, что у него таких денег нет, поэтому предлагаю ограничиться объявлением выговора и увольнением с должности старосты.

3. Давайте будем объективны и разберемся по порядку. Я считаю, что предыдущий оратор слишком сгустил краски. Старосты групп допоздна стоят в очереди, что недопустимо, ведь у них есть и свои дела. Вместе с тем я считаю, что Николай не должен был так поступать. Действительно, разгуливать по городу с большими казенными ценностями — это недопустимо. Это с его стороны неправильно. Конечно, прежде чем отправляться в гости, он должен был поместить деньги в надежное место. Я считаю, что случившееся станет для Николая хорошим уроком и такое с ним никогда больше не повторится.

4. Колька, козел! Из-за тебя мы остались без денег! И так копейки дают, на жизнь не хватает, а тут последнего лишили! Что же нам теперь делать? Нам родители миллионы не шлют, как некоторым, нам все горбом достается. Так что нам такие подарочки ни к чему. А тебе бы врезать как следует, чтоб неповадно было. Дубина ты и больше никто.

5. Я вынужден заявить, что наше собрание пошло по странному руслу. Не без влияния некоторых друзей Николая, кровно заинтересованных в его оправдании, вы пытаетесь все спустить на тормозах, не дать случившемуся принципиальной оценки. Если вы не одумаетесь, мы вынуждены будем обратиться в деканат, а если понадобится, то пойдём и дальше. Мы этого так не оставим! Даже если подкупленные вами милицейские и институтские

¹ По: Анисимов Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика //biblioteka.teatr-obraz.ru

чины не примут мер, то есть пресса, телевидение, общественность. Всех не купите!

6. По поручению студентов, проживающих в общежитии № 1, хочу сказать следующее. Мы категорически не согласны с теми, кто требует снять Николая с должности старосты. Считаем, что таким образом с ним сводят счеты за то, что он не поддержал их во время последнего инцидента со студкомом. Настаиваем на том, чтобы Николай остался старостой. Если группа примет другое решение, оставляем за собой право обжаловать его в деканате.

7. Я считаю, что Николай не совершил ничего предосудительного. То, что с ним произошло, должно быть квалифицировано как несчастный случай. С каждым может произойти такое. Он ведь не на гулянку пошел, не на базар или другое место повышенной криминальной опасности. Он пошел навестить больного друга, причем мы-то знаем, что Сергей действительно серьезно болен, и опасения за его жизнь имеют под собой серьезные основания. В чем же вы его обвиняете? Ну нет поблизости такого места, где можно было бы оставить деньги в безопасности, а если бы он поехал домой, то к Сергею ехать было бы уже совершенно поздно. Я считаю, что Николаю еще и помочь нужно, ведь хулиганы сильно избили его.

8. Я согласен с тем, что случай беспрецедентный. Мы не можем допустить того, чтобы подобное повторялось. Поэтому мы должны принять такое решение: впредь запретить Николаю таскать деньги домой или в другое место по вечерам. Вам, конечно, известно, что Наташина мама работает у нас в отделе кадров и давно предлагает использовать их сейф для хранения ценностей в экстренных случаях. Если мы воспользуемся ее помощью, то больше никогда не будем иметь подобных неприятностей.

VII. К. И. Чуковский был первым советским писателем, которого во времена хрущевской оттепели пустили за границу. *Прочитайте его «Оксфордскую речь»¹, определите ее жанр и установите задачу и сверхзадачу речи.*

У нашей соседки, вдовы моряка, улетел любимый попугай. Думали, что его съела кошка. Но я нашел его на чердаке невредимым. Соседка обрадовалась и дала мне в награду серебряный рубль да какие-то зеленые английские книжки – четырехтомное сочинение какого-то Джемса Бозвелла, эсквайра, под неинтересным заглавием: «Жизнь Сэмюэля Джонсона». Придя домой, я стал перелистывать зеленые книги, с трудом разбирая в них отдельные фразы и поминутно заглядывая в англо-русский словарь Александрова. Вначале это было канителью и тяжело, но уже через несколько дней книга поглотила меня всего с головой. Я и сейчас не могу догадаться, каким чародейным искусством этот Джемс Бозвелл, эсквайр, о котором я никогда ничего не слышал, приворожил меня к своему неотесанному, грубоватому Джонсону. С каждой страницей я все сильнее влюблялся в этот цельный, упрямый и гордый характер, в этот громадный, хотя и

¹ www.vokrugsveta.ru/encyclopedia/index

затуманенный предрассудками, ум.

С того времени прошло 60 лет! Я пережил 4 войны. Но до сих пор каким-то чудом на полке у меня уцелели четыре зеленые книги, по которым я, одинокий подросток, учился без учителей и учебников любить литературу англичан. Нельзя было и придумать лучшего учебника, чем Бозвелл, так как это – в высшей степени английская книга. Литература Англии, как я убедился потом, очень богата большими и маленькими Бозвеллами. Бозвеллировать – ее специальность, вызванная страстным интересом английских читателей к характерам, судьбам, делам и причудам всякой сколько-нибудь выдающейся личности. Эти читатели как бы сказали себе: для человека нет ничего интереснее, чем другой человек во всех мельчайших подробностях его бытия. Оттого-то в английской литературе так много замечательных мемуаров о замечательных людях, всяких биографий, автобиографий, дневников и т. д.

Этих книг я прочитал за свою долгую жизнь немало, благодаря этим книгам по-новому оценил и прочувствовал наши русские книги, например, воспоминания Ивана Панаева, Павла Анненкова, Павла Ковалевского и др. И воспоминания Горького, вершиной которых представляется мне очерк “Лев Толстой” – такой проникновенный, артистически тонкий. Я не говорю уже о книге “Былое и думы” А. Герцена. Это – монументальная книга могучей изобразительной силы и безоглядой, бестрепетной искренности. Невозможно понять, почему эта книга до настоящего времени не получила широкого признания в Англии.

Страна, которую видишь сквозь ее поэзию и прозу, всегда представляется тебе в ореоле. Для меня Англия была и осталась страной великих писателей. Хорошо понимаю, что это наивно, но здесь уж ничего не поделаешь: видеть Англию исключительно в литературном аспекте и значит для меня видеть ее подлинную сущность. Конечно, я слышал много рассказней о лицемерии британцев, об их чопорности, замкнутости и т. д. В газетах мне часто встречалось модное в те времена выражение “коварный Альбион”. Очевидно, для этого были все основания и, я верю, достаточно веские, но мне выпала большая удача не сталкиваться с таким Альбионом, не испытывать его коварство. И хотя из литературы я знал, что в Англии множество Пексифонов, но разве не та же литература явилась оружием анти-фарисеев, анти-Пексифонов, таких, как Годвин, Шелли, Байрон, Диккенс, Теккерей, Раскин, Вильямс Морис, Бернارد Шоу.

Сам понимаю, что это чудачество, но, приехав, например, в Оксфорд и увидев там Бэллиол колледж, я только и вспомнил о нем, что это был колледж Суинберна, а увидев Магдален колледж, сказал себе: «Это колледж Оскара Уайльда». А когда я впервые подошел к речке Айзис, я не без волнения вспомнил, что ровно сто лет назад жарким летом по этой самой воде проплывала длинная лодка, в которой сидели три девочки, сестры Лиделл и с ними чинный математик Чарльз Лэтвидж Доджсон, т. е. Льюис Кэрролл. Несмотря на жару, он, я думаю, так и не снял черного своего сюртука, не расстегнул крахмального своего ворота, но когда стал

рассказывать девочкам, слегка заикаясь, сказку «Алиса в стране чудес», стало ясно, сколько веселого сумасбродства, озорства, необузданной детскости может порою таиться под черным сюртуком иного оксфордского «дона». Где эта лодка? Где маленькие сестры Лиделл? Где вода, струившаяся среди этих лугов ровно сто лет назад? Где он сам, Льюис Кэрролл? А его сказка живет и живет несмотря ни на что, и вот уже второе столетие радуется миллионы детей. Как же не верить, что литература прочнее всего и что нет такой силы, которая могла бы ее уничтожить!

Мне, старику-литератору, служившему литературе всю жизнь, очень хотелось бы верить, что литература важнее и ценнее всего и что она обладает магической властью сблизить разъединенных людей и примирять непримиримые народы. Иногда мне чудится, что эта вера – безумие, но бывают минуты, когда я всей душой отдаюсь этой вере. «Разве не утешительно, – говорю я себе в такие минуты, – что за всю многовековую историю русско-британских отношений еще не было другого такого периода, когда Англия проявляла столь жгучий, живой интерес к языку и литературе России, а Россия – к языку и литературе Англии?». Будем же верить, что это к добру, – и давайте, несмотря ни на что, крепить, насколько это зависит от нас, наши дружеские литературные связи. Хорошо понимаю, что это – банальный призыв, но продиктован он свежим, заново прихлынувшим чувством.

VIII. *Прочитайте ответное слово И. Бунина после вручения ему Нобелевской премии¹. Установите се задачу и сверхзадачу.*

Ваше высочество, милостивые государыни, милостивые государи! Девятого ноября, в далекой глуши, в старинном провансальском городе, в бедном деревенском доме телефон известил меня о решении Шведской академии. Я был бы неискренен, ежели бы сказал, как говорят в подобных случаях, что это было наиболее сильное впечатление во всей моей жизни. Справедливо сказал великий философ, что чувства радости, даже самые резкие, почти ничего не значат по сравнению с таковыми же чувствами печали. Ницуть не желая омрачать этот праздник, о коем я навсегда сохраню неизгладимое воспоминание, я все-таки позволю себе сказать, что скорби, испытанные мною за последние 15 лет, далеко превышали мои радости. И не личными были эти скорби, – совсем нет! Однако твердо могу сказать я и то, что из всех радостей моей писательской жизни это маленькое чудо современной техники, этот звонок телефона из Стокгольма в Грас, дал мне как писателю наиболее полное удовлетворение. Литературная премия, учрежденная вашим великим соотечественником Альфредом Нобелем, есть высшее увенчание писательского труда! Честолюбие свойственно почти каждому человеку и каждому автору, и я был крайне горд получить эту награду со стороны судей столь компетентных и беспристрастных. Но думал

¹ www.bibliopskov.ru/nobel1.htm

ли я девятого ноября только о себе самом? Нет, это было бы слишком эгоистично. Горячо пережив волнение от потока первых поздравлений и телеграмм, я в тишине и одиночестве ночи думал о глубоком значении поступка Шведской академии. Впервые со времени учреждения Нобелевской премии вы присудили ее изгнаннику. Ибо кто же я? Изгнанник, пользующийся гостеприимством Франции, по отношению к которой я тоже навсегда сохраню признательность. Господа члены Академии, позвольте мне, оставив в стороне меня лично и мои произведения, сказать вам, сколь прекрасен ваш жест сам по себе. В мире должны существовать области полнейшей независимости. Вне сомнения, вокруг этого стола находятся представители всяческих мнений, всяческих философских и религиозных верований. Но есть нечто неизблемое, всех нас объединяющее: свобода мысли и совести, то, чему мы обязаны цивилизацией. Для писателя эта свобода необходима особенно, – она для него догмат, аксиома. Ваш жест, господа члены Академии, еще раз доказал, что любовь к свободе есть настоящий национальный культ Швеции.

И еще несколько слов – для окончания этой небольшой речи. Я не с нынешнего дня высоко ценю ваш королевский дом, вашу страну, ваш народ, вашу литературу. Любовь к искусствам и литературе всегда была традицией для шведского королевского дома, равно как и для всей благородной нации вашей. Основанная славным воином, шведская династия есть одна из самых славных в мире. Его величество король, король-рыцарь, да соизволит разрешить чужеземному, свободному писателю, удостоенному вниманием Шведской академии, выразить ему свои почтительнейшие и сердечнейшие чувства.